

УДК 398.431:82

DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-2-216-222

Рецензия на книгу:

Бобякова И.В., Ларионова М.Ч.

Домовой: фольклорный персонаж в литературе.

Ростов н/Д.: Foundation, 2024. 216 с.

Екатерина А. Романова

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, ekatpopo@yandex.ru

Дата поступления статьи: 22 июля 2025 г.

Дата публикации: 26 июня 2026 г.

Для цитирования: Романова Е.А. [Рец.:] Бобякова И.В., Ларионова М.Ч.

Домовой: фольклорный персонаж в литературе. Ростов н/Д.:

Foundation, 2024. 216 с. // Фольклор: структура, типология, семи-

отика. 2026. Т. 9. № 2. С. 216–222. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-

2-216-222

Book review:

Bobyakova, I.V. and Larionova, M.Ch. (2024),

Domovoi: fol'klornyi personazh v literature

[The Domovoy: A folklore character in literature],

Foundation, Rostov-on-Don, Russia

Ekaterina A. Romanova

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia, ekatpopo@yandex.ru

Received: July 22, 2025

Date of publication: June 26, 2026

For citation: Romanova, E.A. (2026), [Review of:] “Bobyakova, I.V. and

Larionova, M.Ch. (2024), *Domovoi: fol'klornyi personazh v literature*

[The Domovoy: A folklore character in literature], Foundation, Rostov-

on-Don, Russia”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 2,

pp. 216–222, DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-2-216-222

Монография И.В. Бобяковой и М.Ч. Ларионовой посвящена анализу трансформаций образа домового в русской литературе XVIII–XXI вв. Авторы исходят из того, что фольклорные образы, в том числе домовый, входят в литературу как через осознанное заимствование, так и через глубинное усвоение культурных кодов. Такой подход основывается на системно-типологической модели, предложенной Д.Н. Медришем, в соответствии с которой фольклор и литература рассматриваются как взаимосвязанные подсистемы единой метасистемы.

Для анализа форм функционирования фольклорного образа в литературе авторы уже во введении предлагают понятие «культурная матрица». Культурная матрица – это совокупность устойчивых признаков, функций и способов репрезентации персонажа в фольклоре и литературе. В широком смысле это структурированный массив стереотипизированной культурной информации, система воспроизводящихся кодов и культурных воспоминаний. Этот комплекс формируется в мифологии, трансформируется в фольклоре и переосмысливается в литературе. Образ домового рассматривается через совокупность характеристик: пространственная локализация, поведенческие паттерны, функции и т. д. Реконструкция и анализ матрицы позволяют выявить устойчивые элементы традиции и способы их адаптации в авторских текстах.

Первая глава посвящена реконструкции культурной матрицы домового. В ней описываются черты и функции этого образа в традиционной культуре, формирующие его культурную матрицу. Рассматривается происхождение образа: домовый, согласно анализу авторов, связан с культом предков, анимизмом и славянской демонологией. Внимание уделяется мифам о его появлении – падении нечистых духов, последствиям Вавилонского столпотворения. Отмечается двойственная природа домового – как покровителя и потенциальной угрозы, посредника между мирами. Описываются его формы (антропоморфность, зооморфность и т. д.), локализация (дом), функции (охрана дома, предвестие событий, забота о семье и животных, наказание).

Исследование опирается на большое количество источников: материалы экспедиций, в том числе собственные полевые наблюдения авторов, классические и современные труды по мифологии и фольклору.

Первая глава формирует инвариантную модель образа, пригодную для последующего литературного анализа. Материалы структурируются по ключевым аспектам: происхождение, облик, время и места активности домового, функции, способы воздействия.

Культурная матрица делится на два уровня – ядро и периферию. Ядро включает наиболее устойчивые и часто встречающиеся

характеристики. В рассматриваемом случае ядро матрицы составляют признаки домового как невидимого духа, часто принимающего облик старика, мохнатого существа или хозяина дома. Он проявляется преимущественно ночью, в таких местах, как печь, подпол, чердак или углы избы. Его присутствие проявляется через звуки, стуки, касания, перемещения предметов, порчу посуды. Основные функции домового связаны с охраной семьи, заботой о домашнем хозяйстве и животных, а также с предсказаниями и наказанием нарушителей устоев.

Периферийные черты образа менее устойчивы и реже встречаются в источниках. Так, иногда домовый предстает в виде молодого мужчины, женщины или в зооморфном облике – змея, зайца, ласки, медведя и т. д. Его обитание не ограничивается только домом: он может находиться в хлеву, бане, амбаре или во дворе. В некоторых случаях он появляется днем и бывает настроен агрессивно: может вмешиваться в супружеские отношения, вызывать болезни, похищать детей. При этом значимыми являются и устойчивые признаки, составляющие ядро, и те черты, что формируют периферию – как отражение региональной и культурной вариативности образа.

Такое деление становится методологической основой для последующего литературного анализа и позволяет не только фиксировать прямые (эксплицитные) проявления образа домового, но и выявлять его имплицитное присутствие в текстах, где не используется его прямое наименование, но имеется система значимых признаков, восходящих к культурной матрице «домовой».

Во второй главе монографии рассматриваются литературные тексты, в которых образ домового присутствует открыто – как сюжетно значимая или действующая фигура. В центре внимания – тексты XVIII–XXI вв., демонстрирующие как преемственность, так и трансформации образа домового.

Вторая глава состоит из двух разделов: «Домовой как действующее лицо» и «Домовой как мистификация». В первом разделе рассматриваются случаи, когда домовый активно участвует в повествовании – как связующее звено семьи и быта, «покровитель вдохновения», объект сатиры или хранитель памяти и культуры. Во втором разделе описываются ситуации, когда образ используется как мистификация: как помощник в любовных делах, противник деспотизма или средство обличения суеверий. Эти направления демонстрируют перераспределение ядра и периферии культурной матрицы «домовой»: периферийные для фольклора мотивы становятся сюжетно- и смыслообразующими в литературе. Все аспекты иллюстрируются на материале как популярных, так и малоизвестных литературных произведений.

В разделе, посвященном домовому как действующему лицу, анализируются произведения, где дух дома непосредственно влияет на сюжет. Домовой в стихотворении Л.А. Мея «Хозяин» (1849) ведет монолог, где критикует брак старика с молодой женщиной, но при этом остается верным своей роли – поддерживать порядок в доме. В рассказе Н. Тэффи «Домовой» (1931) дух вступает в противостояние с жестоким отцом, чтобы защитить девочку Люсю. У О.И. Сенковского в «Записках домового» (1835) дух Чурка ведет дневник и сочувствует человеческой драме, а в рассказе А.С. Грина «Словохотливый домовый» (1923) демонстрируется неспособность домового понять человеческие моральные мотивы.

В поэзии романтиков (К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского) домовый предстает с новой стороны – как «покровитель вдохновения». В этих текстах он сближается с античными пенатами и ларами, символизируя творческое начало и домашний уют. В стихотворении А.С. Пушкина «Домовому» (1819) дух предстает как хранитель всей усадебной жизни. В сатирических произведениях (в басне И.И. Хемницера «Домовой» и басне И.А. Крылова «Скупой») образ используется как средство социальной критики – он служит для обличения человеческих пороков, в частности скупости и суеверности.

Образ домового используется и как знак культурной памяти, в особенности в символистской литературе конца XIX – начала XX в. В стихах В. Брюсова («Друзья», «Домовой») и К. Бальмонта он воплощает тревогу за утраченную связь с традицией и страх перед хаосом настоящего. Дух дома становится метафорой кризиса идентичности, ослабления связи с культурными корнями и трансформации мифологического сознания в условиях модерна.

В ряде произведений домовый приобретает комический и иронический облик, становится средством разоблачения суеверий, социальных пороков и невежественного сознания. Эти трактовки особенно значимы в контексте рационалистической критики традиционного мышления и формирования новой картины мира.

Принцип организации материала в книге строится на хронологической и одновременно тематической логике: структура анализа позволяет отследить как временные изменения в репрезентации образа, так и смысловые инварианты. Подчеркивается, что домовый в литературе нередко сохраняет черты мифологического существа, восходящие к фольклору, но может и трансформироваться в аллегорическую фигуру, эксплуатируемую в рамках художественного эксперимента. В XIX в. домовый чаще выполняет функцию хранителя традиционного уклада, носителя морали, а в XX в. становится фигурой иронической, трагической, символизирует разрыв с прошлым, кризис культурной идентичности.

Такой подход позволяет проследить литературную эволюцию образа и его культурную нагрузку. Особое внимание уделяется тому, как литература адаптирует фольклорную семиотику. Образ домового в литературном тексте выступает медиатором между архетипическим и индивидуальным, между традицией и авторской интерпретацией. Он может быть репрезентантом «архива культуры», интертекстуальным кодом, с помощью которого авторы выражают темы идентичности, памяти, духовной преемственности.

Третья глава монографии представляет собой наиболее новаторский и концептуально насыщенный элемент исследования. Авторам удастся показать, что даже при отсутствии прямого наименования или внешних признаков функции домового продолжают существовать в ряде литературных образов. Через внимательный анализ персонажей (таких как Захар в «Обломове», Фирс и Чебутыкин в пьесах А.П. Чехова, старики в прозе Распутина) авторы выявляют устойчивые элементы: привязанность к дому и к прошлому, охранительную миссию, символическое взаимодействие с пространством и временем. В главе демонстрируется, как фольклорный образ сохраняется в литературе, меняя форму, но не теряя сути. Глава важна как модель прочтения литературного текста через призму культурной памяти.

В этой главе представлены разноплановые примеры из русской литературы, сгруппированные по функциональному родству с образом домового. В первой части главы анализируется Захар из романа И.А. Гончарова «Обломов» – хранитель уклада, преданный слуга, фигура «домового в человеческой форме». Впервые он появляется в тексте, спрыгивая с печки – места, которое в народной традиции считается основным местом обитания домового. Подчеркиваются его «нечеловеческие» черты: хрип, ворчание, тяжелый шаг и даже внешний вид – «с голым, как колено, черепом» и «густыми русыми с проседью бакенбардами». Всё это перекликается с описаниями домового. Захар не только участвует в жизни героя, но и как бы дублирует его, живя рядом и сохраняя все, что связано с прежней жизнью. Такое поведение, по мнению авторов, делает его хранителем традиций.

Далее рассматривается, как проявляется мифопоэтический слой, связанный с образом домового в пьесах А.П. Чехова. Персонажи, такие как Шамраев («Чайка»), Чебутыкин («Три сестры»), Войницкий («Дядя Ваня») и Фирс («Вишневый сад»), наделены функцией хранителей домашнего уклада. Они объединены привязанностью к дому, сосредоточенностью на прошлом и некоторыми особенностями поведения – эти персонажи вспоминают приметы, используют пословицы, живут воспоминаниями. Их

связь с традицией проявляется и через символическое пространство: подпол у Чебутыкина, чердак у Шамраева, печка, самовар, лошади – всё это знаковые элементы мифологической картины мира. Особенно близки к образу домового Фирс, живущий в доме с детства и забытый в финале, и Войницкий, воспринимающий дом как свое жизненное предназначение.

Авторы также анализируют образ хранителя дома в пьесах постмодерна, переосмысляющих чеховские мотивы в контексте современной действительности. Персонажи как оригинальных чеховских произведений, так и их интерпретаций оказываются бессильны перед разрушением мира, который они стремятся сохранить. Дом как физическое и духовное пространство оказывается утраченным. Фирса забывают, Чебутыкин теряет свою внутреннюю опору, Шамраева воспринимают как деспота, а дядя Ваня разочарован и сломлен. Таким образом, А.П. Чехов осмысляет фольклорную фигуру домового в новом контексте: как фигуру трагическую, не способную больше выполнять охранительную функцию.

В третьей части главы анализируется повесть В.Г. Распутина «Прощание с Матерой». Исследователи обращаются к двум персонажам – мистическому Хозяину и реалистическому Богдулу, в которых по-разному реализуется образ хранителя дома. Хозяин – дух острова, незримый наблюдатель, Богодул – старик-отшельник, наделенный множеством внешних и поведенческих черт домового: лохматость, босые ноги, сиплый голос, связь с предками и памятью. Он «бездомный домовый», обреченный исчезнуть вместе с гибнущим островом. Оба образа выполняют охранительную функцию, но оказываются бессильными перед разрушением, что подчеркивает трагическую трансформацию фольклорного мифа в современной литературе. Таким образом, В.Г. Распутин, как и А.П. Чехов, демонстрируют исчезновение дома как носителя культурной памяти.

Авторы акцентируют внимание на признаках, по которым можно идентифицировать фигуру домового: особое поведение, привязанность к дому, манера говорить, стремление сохранять традиции. Эти черты позволяют проследить, как фольклорный образ продолжает существовать в литературе, пусть и в завуалированной форме. В произведениях формируется целая группа персонажей, в структуре которых системно проявляются элементы культурной матрицы «домовой». Их объединяет функция хранения дома и родовой памяти, она притягивает к ним определенный образ: формирует поведение, внешний облик, пространство обитания. Эти образы глубинно связаны с народной традицией и художественным опытом предшественников.

Монография И.В. Бобяковой и М.Ч. Ларионовой представляет собой обстоятельное исследование, посвященное литературным трансформациям образа домового. Авторы рассматривают домового как устойчивый комплекс признаков, сохраняющий идентичность при переходе из фольклорной традиции в литературный текст. Предложенное понятие «культурной матрицы» служит полезным инструментом для систематизации разнообразных проявлений образа и анализа механизмов его адаптации к различным историко-культурным контекстам. Работа может быть интересна тем, кто изучает взаимодействие фольклора и литературы, формы культурной памяти и трансформации мифологических образов в художественных текстах.

Информация об авторе

Екатерина А. Романова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; *ekatpopo@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0007-3217-4995

Information about the author

Ekaterina A. Romanova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *ekatpopo@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0007-3217-4995